

М. В. Крюков

О СООТНОШЕНИИ РОДОВОЙ И ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ (КЛАНОВОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА) *

За последние годы в советской исторической науке заметно оживился интерес к теоретическим проблемам рода, исторической эволюции родовых институтов и их соотношения с другими формами социальной организации. Это обстоятельство отнюдь не случайно. Непрерывное накопление этнографического материала по различным народам мира, находящимся или находившимся в недавнем прошлом на этапе родового строя, а также результаты изучения древнейших письменных, в первую очередь древневосточных, памятников позволяют сейчас более или менее конкретно исследовать многие аспекты истории родовой организации, которые во времена Моргана могли быть освещены лишь в самом общем виде. Тем не менее многое в понимании истории рода продолжает оставаться дискуссионным. Противоречивые мнения высказываются по вопросу об историческом соотношении рода и племени, рода и семьи, рода и общины. Нет единства во взглядах и на сущность самого понятия «род».

1

В большинстве работ, в которых в той или иной связи затрагивается проблема рода, авторы пользуются термином «род», не давая его определения. Но в тех случаях, когда такие определения приводятся, они не всегда оказываются идентичными.

Так, Ю. А. Сем пишет, что «под родом в советской исторической науке понимается основная общественно-экономическая ячейка первобытнообщинного строя, объединяющая коллектив кровных родственников, связанных общими хозяйственными, общественными и культовыми узами»¹. В этом определении экономическая общность рассматривается как один из органических признаков рода. Отсюда с очевидной закономерностью вытекает, что, по мнению данного автора, род как таковой перестает существовать, как только экономическая общность членов рода распадается. В отличие от этого, Б. О. Долгих пишет, что «родом мы считаем экзогамную группу родственников эпохи родо-племенного строя, верящих в общее свое происхождение, имеющих свое название и связанных обычно рядом прав, обязанностей и традиций»². Здесь един-

* Публикуя в дискуссионном порядке статью М. В. Крюкова, редакция надеется получить отклики читателей как по существу поднимаемых в ней проблем, так и относительно правомерности предлагаемой автором замены термина «патронимия» термином «клан». — *Ред.*

¹ Ю. А. Сем, Родовая организация нанайцев (XVII — начало XIX в.), Л., 1959, стр. 10.

² Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, М., 1964, стр. 1—2.

ство хозяйственной жизни рода не рассматривается как необходимый признак этой формы социальной организации; поэтому, в частности, автор констатирует наличие в XVIII—XIX вв. родов у нганасан, эвенков, юкагиров и других народов Сибири, хотя эти роды не имели каких-либо хозяйственных функций³. Наконец, Н. А. Бутинов полагает, что род в силу закона экзогамии никогда не был и не мог быть экономической единицей⁴.

Учитывая тот факт, что род на протяжении своей истории претерпел существенную эволюцию, некоторые исследователи предпринимают попытку дать характеристику родовой организации на разных этапах ее развития. Ю. И. Семенов, например, выделяет несколько этапов развития рода и предлагает специальные термины для обозначения рода, находящегося на том или ином этапе⁵, но при этом общего определения рода, в отличие от других форм социальной организации, этим автором предложено не было. Очевидно, что при решении вопроса об определении понятия «род» необходимо учитывать как эволюцию рода, так и то общее, что остается характерным для него на всем протяжении его истории. «В силу этого,— отмечает М. О. Косвен,— в результате всех существующих попыток дать определение рода остается единственно правильным и адекватным определением его как совокупности всех родственников, ведущих происхождение от общего предка»⁶. Такое определение рода, правильно выражая его существо, является, однако, недостаточно полным, так как не включает указания на некоторые основные черты этого социального института. Л. Г. Морган давал, как известно, другую, более развернутую характеристику рода, определяя его как «совокупность кровных родственников, происходящих от одного общего предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови»⁷. Исходя из этого, мы можем, по-видимому, определить род как экзогамный коллектив, представляющий собой совокупность кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка и носящих общее родовое (тотемное) имя.

Анализируя родовую организацию в ее двух исторических формах — материнской и отцовской, Морган, как известно, обозначал их одним и тем же термином: генс (gens). Впоследствии наметилась тенденция к употреблению различных терминов (gens и clan) для обозначения материнского и отцовского рода. Позднее в английской этнографической школе общеупотребительным термином для обозначения понятия «род» стал клан. Р. Лоуи, напротив, предложил пользоваться новым термином — «сиб» (sib), который затем прочно вошел в американскую научную литературу. Что касается русской терминологии, то в конце XIX — начале XX в. для нее было характерно употребление терминов «клан» и «генс» как полных синонимов наряду со славянским термином «род», который впоследствии вытеснил оба заимствованных слова. Тенденция к расширительному толкованию одного термина, служащего для обозначения двух исторических форм рода, объективно способствовала тому, что этот термин стал применяться также и к различным по своему характеру социальным институтам, отличающимся от рода в собственном

³ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 7.

⁴ Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, в кн. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия (далее ТИЭ) LXXX, М.—Л., 1962, стр. 181.

⁵ Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 74—93.

⁶ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 119.

⁷ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38.

смысле слова. Своеобразной реакцией на это были попытки некоторых исследователей поставить вопрос об отказе от самого понятия «род» ввиду его крайней неопределенности⁸.

Одним из наиболее распространенных проявлений такого неопределенно-расширительного употребления термина «род» является отождествление рода и большой семьи. Ф. Энгельс подчеркивал значение вывода Л. Моргана о том, что род не может состоять из семей, так как в силу экзогамии «муж и жена неизбежно принадлежат к двум различным родам»⁹; на недопустимость смешения понятий «род» и «семья» со всей определенностью указывал один из первых русских популяризаторов учения К. Маркса в России Н. И. Зибер¹⁰. И тем не менее в исследованиях последнего времени приходится сталкиваться с утверждениями о том, что род у того или иного народа состоит из семей¹¹. Возвращает ли это нас ко времени Нибура и Моммзена, которые, по словам Энгельса, не справились с вопросом о римском гене, так как видели в нем группу семей? Или же эти выводы означают, что выдвинутое Л. Морганом понимание сущности рода устарело и должно быть заменено новым?¹². По-видимому, утверждения о том, что род может состоять из семей, являются следствием объективного факта существования такой формы социальной организации, которая обнаруживает внешнее сходство с родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи. Таким образом, за род ошибочно принимается институт, относящийся к третьему, самостоятельному типу социальной организации.

Одним из первых к пониманию этого фактора пришел известный английский этнограф Р. Фёрт. Изучая социальную организацию на о. Тикопия в Полинезии, Фёрт пользовался для ее обозначения традиционным термином «клан» (clan), хотя вынужден был признать, что ему пришлось иметь дело с формой социальной структуры, существенно отличающейся от того, что обычно понимается под этим термином¹³. Исходя из основной особенности «клана» на о. Тикопия, заключающейся в непрерывной сегментации первоначальной группы на более мелкие подразделения в соответствии с разграничением прямой и боковых линий родства, Р. Фёрт предложил специальный термин «gamage», выражающий эту идею сегментации, ветвления.

Р. Фёрт впервые дал характеристику родственных групп этого типа, с основными чертами которых могут быть сведены к следующему: 1) сходство с генеалогическим деревом, разрастающимся по мере ветвления ствола; 2) иерархическое соподчинение входящих в gamage ячеек; 3) домохозяйство как основная ячейка внутри группы; 4) каждая такая группа в принципе локализована¹⁴.

⁸ А. Н. Максимов, Теория родового быта, СПб., 1913.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

¹⁰ Н. И. Зибер, Избранные экономические произведения, М., 1959, т. 2, стр. 273.

¹¹ Л. А. Файнберг, О формах социальной организации индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в., в кн. «Американский этнографический сборник», ТИЭ, т. VIII, М.—Л., 1960, стр. 136—138; Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 3; И. М. Дьяконов, К проблеме общины на Древнем Востоке, «Вестник древней истории», 1964, № 4, стр. 74—80 и др.

¹² Б. О. Долгих поясняет, что, по его мнению, моргановское определение рода имеет отношение к архаическому, материнскому, роду, в отличие от которого поздний, патриархальный род состоит из семей. Такое толкование, однако, не может быть принято, так как свое определение рода Морган дает в связи с анализом римского генса, который характеризуется им как патриархальный род.

¹³ R. Firth, We, the Tikopia, London, 1938, pp. 344—372.

¹⁴ Там же.

Существенный шаг вперед в характеристике этого особого типа социальной организации был сделан Дж. Мёрдоком. По мнению Мёрдока, следует различать три типа родственных групп: «родственные группы, связанные общностью проживания» (residential kin groups) — к ним он относит семью (в том числе большую семью); «кровнородственные группы» (consanguineal kin groups), включающие род и его подразделения; и, наконец, «промежуточные родственные группы» (compromise kin groups), к которым Дж. Мёрдок относит «социальные группы, состоящие из нескольких домохозяйств, главы которых ведут происхождение от общего предка»¹⁵. Такие социальные группы, которые Дж. Мёрдок предлагает называть «кланами» (в отличие от рода — sib), характеризуются, по его мнению, следующими особенностями: однолинейность счета родства; территориальное единство (клан совпадает с локальной группой); существование социальной интеграции внутри клана (такая социальная группа представляет собой не механическую сумму независимых друг от друга семей, а предполагает определенную систему их соподчинения)¹⁶.

По словам Дж. Мёрдока, к пониманию факта существования трех типов социальной организации был близок Р. Лоуи, который тем не менее не сформулировал этого вывода. Но заслуга открытия этого третьего типа родственной организации, внешне напоминающего патриархальный род и ошибочно принимаемого за таковой многими исследователями, не принадлежит также и самому Дж. Мёрдоку. Социальная форма того типа, который назван Дж. Мёрдоком «кланом», была впервые изучена и описана М. О. Косвенем еще в 1931 г. под наименованием «патронимии»¹⁷; под этим названием она и вошла в советскую этнографическую литературу. Согласно определению М. О. Косвена, «патронимия» представляет собой группу больших или малых семей, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование¹⁸. Это определение в основе своей аналогично характеристике «клана», данной Дж. Мёрдоком. Несмотря на то, что точка зрения М. О. Косвена на историческое место «патронимии» принципиально отличается от концепции Дж. Мёрдока¹⁹, тем не менее представляется весьма показательным тот факт, что эти два этнографа, стоящие на различных теоретических и методологических позициях, независимо друг от друга пришли к выводу о реальном существовании в истории общества такой социальной формы, которая до недавнего времени не выделялась исследователями.

Этнографические исследования последующих лет позволили выявить патронимическую организацию у многих современных народов мира — финно-угорских, славянских, тюркских, арабских; на Кавказе, в Сибири, у индейцев в Северной Америке и т. д.²⁰. Существование патронимической организации прослеживается также по данным древних и средневековых письменных источников: А. Я. Гуревич выявил ее в

¹⁵ G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1949, p. 68.

¹⁶ Там же.

¹⁷ М. О. Косвен, Распад родового строя у удмуртов, «Уч. зап. Научно-исследовательского института народов Советского Востока», вып. 11, М., 1931.

¹⁸ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 37.

¹⁹ Там же, стр. 119; G. P. Murdock, Указ. раб., 74.

²⁰ Библиографию см.: М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 94—96.

раннесредневековой Норвегии²¹, Л. В. Данилова — в Новгороде XIV—XV вв.²², М. О. Косвен — у древних германцев и древних славян²³, Е. М. Медведев — в древней Индии²⁴, Л. С. Переломов — в древнем Китае²⁵ и т. д. В литературе встречаются также указания на то, что патронимическая организация существовала на древнем Ближнем Востоке — в Шумере, Вавилонии, Аравии, Угарите²⁶. Наконец, большой интерес представляет опыт реконструкции социальных отношений, характерных для патронимической организации, на археологических материалах²⁷.

Однако вместе с тем многие этнографы и историки или вообще отрицают существование патронимической организации как самостоятельного социального института или же считают, что «патронимия» представляет собой второстепенную, сопутствующую форму социальной организации²⁸. В этом отношении характерна и работа Ю. И. Семенова о периодизации первобытной истории, где понятие патронимической организации даже не упомянуто²⁹.

Нередко указывают на неудовлетворительность самого термина «патронимия», предложенного М. О. Косвеном. Это соображение не лишено известных оснований. Слово «патронимия» означает буквально «наименование по отцу» и в этом смысле термин широко употребляется как в советской, так и в зарубежной литературе³⁰. Во избежание терминологической путаницы родственную группу, внешним признаком которой является патронимия в узком смысле слова, следовало бы обозначить специальным термином. Учитывая тот факт, что понятие «патронимия» получило в нашей этнографической литературе достаточно широкое распространение, можно было бы пользоваться им, вводя следующую модификацию: термин «патронимия» употреблять в его буквальном, первоначальном смысле (наследственное имя всех членов родственной группы), а для обозначения этой родственной группы как таковой использовать производный термин, например «патронимическая организация». Однако второй (и гораздо более существенный) недостаток термина «патронимия» заключается в том, что организация рассматриваемого типа существует не только в патрилинейном, но и в матрилинейном варианте (ср. кампуэнг у минангкабау). Совершенно очевидно, что для обозначения матрилинейной группы родственных семей

²¹ А. Я. Гуревич, Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга), «Средние века», VIII, 1956.

²² Л. В. Данилова, Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., М., 1955.

²³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 126—132 и 133—167.

²⁴ Е. М. Медведев, Опыт изучения древнеиндийской общины по данным топонимики, в кн. «Индия в древности», М., 1964.

²⁵ Л. С. Переломов, О характере сельской общины в период Хань, «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.

²⁶ Н. Б. Янковская, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, «Вестник древней истории», 1959, № 1; ее же, Общинное самоуправление в Угарите, там же, 1963, № 3; М. Л. Гельцер, Еще раз об общинном самоуправлении в Угарите, там же, 1965, № 2.

²⁷ С. Н. Бибииков, Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики), «Сов. археология», 1965, № 1.

²⁸ Н. Кисляков, рец. на книгу: М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, «Сов. этнография», 1965, № 6, стр. 152.

²⁹ Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 74—93.

³⁰ В качестве примера укажу на авторов, не разделяющих мнения о существовании патронимической организации как специфической социальной формы, но использующих термин «патронимия» в его буквальном смысле: R. Lowie, Primitive Society, London, 1921, pp. 60—69. И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 76, 78 и т. д.

термин «патронимия», «патронимическая организация» неприменим. Исходя из этих соображений, мы считаем возможным пользоваться для обозначения этого особого типа социальной организации предложенным Дж. Мёрдоком термином «клан», который давно уже не употребляется в советской научной литературе в значении «род».

Следует подчеркнуть, что указание на неудовлетворительность термина «патронимия», разумеется, ни в коей мере не может служить основанием для отрицания самого факта существования этого социального института. Сущность патронимической организации не может измениться от того, будем ли мы называть ее патронимией, пользуясь термином М. О. Косвена, или, следуя за Дж. Мёрдоком, — кланом, или же, наконец, предложим для нее какой-то новый термин. Важно лишь, чтобы терминологическая неточность не приводила к отождествлению принципиально различных типов социальной структуры.

2

Согласно точке зрения, разделяемой большинством советских этнографов, производственные отношения в первобытном обществе совпадали с родовыми отношениями: являясь родовыми по форме, производственные отношения были коммунистическими по содержанию. Соответственно этому коллективная собственность была собственностью материнского рода, первобытной материнско-родовой общины³¹.

Для того чтобы обосновать приведенную точку зрения, по-видимому, недостаточно доказать существование коллективной собственности на основные средства производства. Для этого необходимо установить, что именно род, а не какой-либо иной коллектив, основанный на родственных началах, является основной производственной ячейкой общества. И действительно, этот тезис постулируется многими исследователями в отношении рассматриваемой эпохи: род был единственно существовавшим хозяйственным коллективом, единственной социальной ячейкой общества³².

Однако этнографии не известны народы, живущие материнской родовой общиной. Определение сущности последней представляет собой логическую реконструкцию, которая правомерна лишь при строго определенных условиях. Одним из важнейших таких условий является признание универсальной изначальности дислокального брака. В самом деле, при дислокальности род (экзогамный коллектив кровных родственников) мог полностью совпадать с реальным производственным коллективом. В таких условиях вступление в брак не влекло за собой необходимость для части членов рода покидать свое селение, свою общину. Человек рождался, жил, трудился и умирал в своем роде. Все члены рода и только члены данного рода составляли в своей совокупности единый производственно-экономический коллектив — родовую общину.

Гипотеза о дислокальности первоначального брака получила настолько широкое распространение среди советских этнографов и историков первобытности, что нередко рассматривается почти как аксиома.

³¹ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, в кн. «Проблемы истории первобытного общества», ТИЭ, LIV, М.—Л., 1960, стр. 151—172; Ю. П. Аверкиев, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, LXX, М., 1961, стр. 3; Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 84.

³² Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 84.

Однако, хотя теория универсальной изначальности дислокального брака и имеет право на существование в качестве гипотезы, она еще требует фактического обоснования и во всяком случае отнюдь не может считаться доказанной.

Указывая на локальность брака как на обстоятельство, решительно препятствующее совпадению рода и общины, мы оставляем за скобками тот основополагающий принцип материалистического истолкования истории общества, согласно которому движущей силой эволюции социальной структуры в конечном счете является развитие производства. Изменение локальности брака, наличие или отсутствие экзогамных запретов сами по себе не могут явиться причиной изменения социальной организации. Однако от той или иной формы локальности брачного поселения зависит, какая именно форма социальной организации возникает на данном уровне производительных сил общества. Так, этнографии известны народы, у которых существует дислокальный брак, но высокий уровень материального производства уже привел к обособлению мелких экономических ячеек внутри общества. У одного из народов Восточной Азии — наси — дислокальность брачного поселения сохранялась до начала 1950-х годов, однако основной социальной единицей и реальной формой общины был у наси не род (иду), а подразделение рода (иду). Эту социальную группу нередко называют большой материнской семьей, что является ошибкой: иду объединяет лишь кровных родственников по материнской линии; мужа в эту группу не входят³³. Таким образом, в силу дислокальности брака на смену более крупным общинным коллективам у наси пришла не большая семья, а подразделение рода.

Иная картина характерна для общества, в котором возросшему уровню производительных сил сопутствует локальность брачного поселения.

В частности, в патрилинейно-родовом обществе, в условиях существования экзогамии и патрилокальности брачного поселения род не мог быть реальным хозяйственным коллективом. При патрилокальном поселении женщина, вступив в брак, остается членом своего рода (и поэтому продолжает носить свое исконное родовое имя³⁴), но принадлежит уже к общине своего мужа, являющегося членом другого рода. Это обстоятельство исключает возможность совпадения рода с хозяйственным коллективом. Поэтому «патриархальная родовая община» (т. е. отцовский род как экономическая ячейка общества) представляет собой искусственное построение, лишенное реальной исторической основы.

Правда, говоря о «патриархальной родовой общине», некоторые авторы ссылаются на данные источников. Так, в своем докладе на дискуссии по проблеме родовой и сельской общины (II Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока, Ленинград, 1962 г.) И. М. Дьяконов сформулировал вывод о том, что «существование патриархальной родовой общины не исключает существования соседской; обе общины в условиях натурального хозяйства сосуществуют»³⁵. В ответ на критику этого положения, высказанную М. О. Косвен³⁶, И. М. Дьяконов писал, что спор по существу проблемы будет возможен лишь тогда, когда

³³ А. М. Решетов, Матрилинейная организация у наси (мосо), М., 1964, стр. 1—9.

³⁴ Так, у папуасов племени менди называют жену не по имени, а обращаются к ней как к «женщине из такого-то рода» (см. Н. А. Бутинов, Указ. раб., стр. 181).

³⁵ И. М. Дьяконов, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 33.

³⁶ М. О. Косвен, К вопросу о древневосточной общине, «Вестник древней истории», 1963, № 4, стр. 30—34.

оппонентом будет предложено какое-либо иное истолкование того огромного фактического материала, на который опирался автор. И. М. Дьяконов подчеркивает, что бесспорные свидетельства источников зафиксировали существование в Аккаде коьца III тысячелетия до н. э. и у хурритов II тысячелетия до н. э. «групп лиц, связанных общим происхождением от одного предка по отцовской линии, общим обозначением (патронимия), общим культом и хозяйственно-организационными узами (т. е. то, что вряд ли можно обозначить иначе, как патриархальные роды)»³⁷. Однако, как следует из данных, приведенных самим автором, «патриархальный род» или «патриархальная родовая община», о которых идет речь (ё — в Аккаде, *dimtu* — у хурритов), имеет сложную структуру, в основе которой лежит семья. Это было четко прослежено Н. Б. Янковской на хурритском материале: основой *dimtu* была одна патриархальная большая семья, но в документах встречаются упоминания об объединениях больших семей; такая группа семей и носила первоначально наименование *dimtu* в отличие от отдельной патриархальной семьи³⁸. Таким образом, следует определить *dimtu* не как «группу лиц, связанных общим происхождением», а как группу родственных семей, носящую общее наследственное имя, т. е. как типичную клановую организацию. Многочисленные факты, собранные И. М. Дьяконовым (а он опирался на шумерский, хурритский, угаритский, иранский материал³⁹), доказывают, что в целом ряде древневосточных обществ клан имел определенные хозяйственные функции, являлся субъектом собственности на основное средство производства — землю и выступал как производственно-экономическая единица общества. Эти факты не позволяют нам присоединиться к точке зрения Б. О. Долгих, рассматривающего патронимическую (клановую) организацию как чисто генеалогическую единицу, одну из поздних форм патриархального рода⁴⁰.

3

Точка зрения на клановую организацию как на подразделение рода или результат его «сужения» оказывается совершенно неосновательной, если мы обратимся к тем обществам, в которых можно отчетливо проследить сосуществование этих двух форм социальной организации⁴¹.

Некоторые примеры подобного сосуществования и противопоставления родовой и клановой организации были приведены Дж. Мёрдоком, который пришел к выводу о разграничении функций между родом и кланом: клан выполняет экономические, политические, военные функции; род играет ведущую роль в сфере религиозных церемоний, он регулирует брачные отношения и определяет право наследования⁴².

Убедительный пример сосуществования рода и клана дает нам древнекитайское общество начала I тысячелетия до н. э. В источниках этого времени мы находим свидетельства существования родственных групп двух типов, носящих наследственные имена *син* и *ши* соответственно. Согласно распространенному мнению, *ши* представляет собой подраз-

³⁷ И. М. Дьяконов, К проблеме общины на древнем Востоке, стр. 76.

³⁸ Н. Б. Янковская, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, стр. 43.

³⁹ И. М. Дьяконов, Община на древнем Востоке в трудах советских исследователей, стр. 25.

⁴⁰ Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, стр. 3.

⁴¹ О важности фиксации тех случаев, когда род и клан («патронимия») — сосуществуют друг с другом см.: А. И. Першиц, Патронимия у арабов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», 1951, XIII, стр. 32.

⁴² G. P. Murdoch, Указ. раб., р. 73.

деление *син*; так, С. А. Токарев определяет *ши* как родовое имя, а *син* — как более крупную родовую группу»⁴³. Однако с этой точки зрения оказывается невозможным объяснить тот факт, что, по данным источников, люди одного *ши*, но разных *син* могли вступать в брак, а люди одного *син*, но разных *ши* вступать в брак не могли. По-видимому, есть основания предполагать коренное различие в структуре тех коллективов, которые обозначались в древнем Китае наследственными наименованиями *син* и *ши*. Учитывая то, что *син* по своему происхождению, несомненно, имеет тотемный характер, а *ши*, как правило, восходит к реальному историческому предку, мы предложили толкование *син* как родового имени, а *ши* — как патронимии в буквальном смысле слова⁴⁴. Что касается той социальной группы, которая носила патронимию *ши*, то она представляла собой группу соподчиненных родственных семей.

В условиях патрилокальности и экзогамии в древнекитайском обществе I тысячелетия до н. э. род *син* не совпадал и не мог совпадать с общиной, т. е. не был и не мог быть реальным производственным коллективом, хозяйственной ячейкой общества. Но, будучи делокализован и не выполняя в силу этого каких-либо хозяйственных функций, род *син* в полной мере сохранял роль регулятора брачных отношений. Основной социальной единицей являлся клан *цзунцзу*.

Цзунцзу обнаруживает внешнее сходство с патриархальным родом *син*: как род *син*, так и *цзунцзу* однолинейны, а именно — ведут счет родства по отцовской линии; как род *син*, так и *цзунцзу* экзогамны; как род *син*, так и *цзунцзу* представляют собой весьма широкие социальные группы, основанные на отношениях родства.

Вместе с тем по своему существу эти два типа социальной организации коренным образом отличаются друг от друга.

1. *Цзунцзу* возникает как определенное территориальное и общественное единство; род *син*, будучи делокализован, не мог быть территориальной единицей и его функции ограничивались сферой культа и регулирования брачных отношений.

2. Родственные отношения, связывавшие членов *цзунцзу*, по своему характеру принципиально отличались от отношений между членами рода. Принадлежность к роду обуславливалась кровным (когнатным) родством, тогда как в основе *цзунцзу* лежали отношения, соответствующие понятию *agnatio* в римском праве: «агнатическими родственниками признавались лица, состоящие под общей отцовской властью..., а также лица, которые состояли бы под общей властью, если бы их общий родоначальник находился еще в живых»⁴⁵. Отличие агнатного родства от когнатного заключается прежде всего в том, что само по себе кровное родство еще недостаточно для возникновения агнатных отношений (так, боковой потомок, отделившийся от первоначальной *цзунцзу*, продолжает быть кровным родственником своего предка, но перестает быть его агнатом). Далее, агнатное родство охватывает не только кровных родственников: жена становится членом *цзунцзу* своего мужа, хотя она продолжает сохранять принадлежность к своему роду *оин* и остается когнаткой своего отца.

3. Существенным отличием рода от *цзунцзу* является то, что в последней всегда существовала внутренняя стратификация, иерархия входящих в нее ячеек. Внутри *цзунцзу*, как правило, выделялась старшая линия (прямые потомки предка-основателя) и несколько боковых. Та-

⁴³ С. А. Токарев, Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 23.

⁴⁴ М. В. Кругиков, Hsing and shih, «Archiv Orientalny», 1966, No 4, p. 544, 547.

⁴⁵ Д. Д. Гримм, Лекции по догме римского права, Петроград, 1916, стр. 37.

кое ветвление линий родства находит отражение в метафорическом обозначении цзунцу как «ветвей и листьев», часто встречающемся в древнекитайских источниках⁴⁶. В то же время принадлежность к роду предполагает заведомо неравноправного положения сородичей, иерархического соподчинения⁴⁷.

4. Общее происхождение членов патриархального рода *син* восходит согласно их представлениям, к родовому тотему, что и находит свое выражение в общем родовом имени, тотемном по своему происхождению. Члены цзунцу являются агнатами исторически достоверного лица и по этому их общее наследственное наименование *ши* происходит от личного имени предка-основателя или от названия его наследственной должности или же, наконец, от названия места первоначального поселения⁴⁸.

Из сказанного видно, что нельзя согласиться ни с отождествлением рода и клана, ни с определением последнего как подразделения рода.

С другой стороны, организация цзунцу не может быть отождествлена с большой семьей, так как, во-первых, большая семья не может иметь такую сложную внутреннюю структуру, характеризующуюся иерархическим соподчинением входящих в нее ячеек, которая свойственна цзунцу. И, во-вторых, большая семья может существовать, не делясь лишь сравнительно непродолжительное время — два-три, иногда до пяти поколений; поэтому размеры большой семьи ограничены. Цзунцу, напротив, может разрастаться и достигать весьма значительных размеров, включая в отдельных случаях до нескольких тысяч человек.

Черты внешнего сходства цзунцу, с одной стороны, с патриархальным родом, с другой — с большой семьей были причиной того, что один и тот же тип социальной организации определялся одними авторами как род, родовая община⁴⁹, другими же — как большая семья⁵⁰. Древнекитайская цзунцу отнюдь не является, кстати, единственным примером такого рода⁵¹.

⁴⁶ См., например, J. Legge, Chinese classics, Peiping, 1940, vol. VII, p. 24 VIII, p. 586. Ср. сходную этимологию термина для обозначения организации того же типа на Гавайях — *охана* (см. Д. Д. Тумаркин, Вторжение колонизаторов в «Кривичья вечная весна», М., 1964, стр. 21—22).

⁴⁷ Основываясь на этом, П. Кирхгоф в свое время предложил различать два типа социальной организации: первый из них он называет «равноправным родом» (*egalitarian clan*), второй — «кониическим родом» (*conical clan*). P. Kirchoff, The principles of clanship in human society. «Davidson Anthropological Journal», 1951, vol. 1, p. I—II. Кирхгоф, однако, недостаточно последователен, так как считает возможным отнести оба указанных типа к категории «рода».

⁴⁸ М. В. Крюков, Указ. раб., p. 545—547.

⁴⁹ См. Ван Юй-чжэ, Очерки древней истории Китая, Шанхай, 1959, стр. 150 (ит. яз.); Хань Го-пань, Исследование экономики Северных династий, Шанхай, 1958, стр. 32 (на кит. яз.) и др.

⁵⁰ Хуан Цзы-тун, Является ли система цзунфа и сословное деление особностью феодального строя, «Бэйцин дасюэ сюэбао», 1957, № 1, стр. 101—102 (ит. яз.).

⁵¹ Достаточно напомнить основные точки зрения, высказывавшиеся по поводу сути родности дагестанского тухума. М. М. Ковалевский определял тухум как род, подобный ирокезскому (М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. 2, М., 1899, стр. 147); в противоположность ему, советский этнограф Р. М. Магомедов утверждал, что под дагестанским тухумом следует понимать не род, а семейную общину, патриархальную большую семью (Р. М. Магомедов, К вопросу о семейной общине Дагестана, «Труды 2-й научной сессии Дагестанской научно-исслед. базы АН», Махакал, 1949, стр. 85). Однако более внимательное изучение этой общественной группы позволило сделать вывод о том, что тухум не был ни родовой, ни семейной общиной и представлял собой разновидность «патронимической» организации (С. Гаджиев, К вопросу о тухуме и большой семье у княжеских кумыков, «Краткие сообщения Института этнографии», XIV, 1952, стр. 78).

Древнекитайские источники I тысячелетия до н. э., в которых содержатся отчетливые указания на сосуществование и противопоставление патриархального рода *син* и патриклана *цзунцзу*, позволяют хотя бы в общей форме ответить на вопрос о структурном и историческом соотношении этих двух форм социальной организации. Нельзя согласиться с формулировкой М. О. Косвена, согласно которой «родственные патронимии образуют в совокупности патриархальный род»⁵². Действительно, в каждом клане есть группа лиц (а именно женщин, приходящих из других кланов в силу закона экзогамии), которые не относятся к роду основателя данного клана. Объясняется это тем, что экзогамия клановой группы «перекрывается» родовой экзогамией (члены различных кланов, основанных выходцами из одного рода, не могли вступать между собою в брак). На этом основании можно сказать, что патриархальный род состоит из групп кровных родственников, составляющих ядра родственных кланов⁵³. Поэтому ошибочным является не только отождествление клана и рода, но и их полное стадияльное противопоставление⁵⁴.

Однако сосуществование родовой и клановой организации — явление историческое. Первоначально сосуществуя с родом, клан переживает его и продолжает существовать и после разложения родовых связей. Этот этап истории клановой организации также может быть прослежен на данных древнекитайских источников. В IV—V вв. до н. э. род *син* окончательно распадается. Родовые имена утрачивают свое прежнее значение и постепенно забываются; патронимии *ши* постепенно превращаются в фамилии⁵⁵. Разложение родовых связей приводит к тому, что члены кланов утрачивают представление о принадлежности к определенному *син*. Экзогамия рода полностью вытесняется экзогамией *цзунцзу*⁵⁶.

Изучение социальной организации древнекитайского общества свидетельствует о неосновательности концепции Дж. Мердока относительно того, что клан исторически предшествует возникновению рода; явно противоречит данным источников и его утверждение о том, будто пример китайского общества опровергает положение о разложении родовой структуры в процессе формирования государства⁵⁷.

Так как распад рода отнюдь не приводит к разложению клана, который исторически переживает род, во многих обществах при сохранении поздних форм клановой организации уже не удастся обнаружить каких бы то ни было следов рода.

Установление принципиальных различий между родом и кланом, а также выяснение исторического соотношения между этими формами социальной организации свидетельствует о том, что игнорирование эво-

⁵² М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 119.

⁵³ В англоязычной литературе такое клановое ядро обычно обозначается термином *lineage*.

⁵⁴ В этом смысле прав Тун Шу-е, когда он возражает как авторам, ставящим знак равенства между *цзунцзу* и родом, так и тем, кто полностью отрывает *цзунцзу* от рода и противопоставляет их стадияльно (Тун Шу-е, О связи между системой *цзунфа* и феодализмом, «Лиши яньцзю», 1957, № 8, стр. 63—66, на кит. яз.).

⁵⁵ Принципиальное отличие фамилии от патронимии заключается в том, что фамилия постоянна и переходит из поколения в поколение, тогда как патронимия периодически изменяется (ср. В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1959, стр. 110—114).

⁵⁶ М. V. Kгуиков, Указ. раб., р. 549. *Цзунцзу* на этом этапе развития стадияльно соответствует, в частности, клановой организации *mata rumah* на Амбоне. Структура и социальные функции этой организации четко проанализированы Ф. Кули (F. L. Cooley, Ambonese kin groups, «Ethnology», vol. I, 1962, № 1, p. 102—112).

⁵⁷ G. P. Murdock, Указ. раб., р. 187.

люции клана при рассмотрении вопроса о периодизации первобытного и раннеклассового общества ни в коей мере не может способствовать успешному решению этой сложной проблемы. Именно поэтому, на наш взгляд, представляется недостаточно убедительной предпринятая Ю. И. Семеновым попытка конструирования различных исторических форм рода, свойственных нескольким последовательным этапам в развитии родового общества⁵⁸. Эта гипотеза неудовлетворительна не только потому, что она не основывается на конкретных фактах⁵⁹, но и потому, что, следуя ей, автор вынужден был оставить без объяснения большое количество накопленных в настоящее время этнографических материалов о роли клана в социальной структуре родового и раннеклассового общества.

SUMMARY

The author considers it very important to distinguish between two independent types of social organization though similar in some aspects but quite different structurally and functionally. The first one is known as *sib* (according to R. Lowie's terminology): this is a consanguinal exogamous group bearing a common totemic name and related by some specific duties and rights. The second one, *clan* (after G. Murdock), was isolated for the first time by M. O. Kosven under the term patronymic group; it can be defined as a group of related families formed in the process of ramification and segmentation of a household community preserving some economic, social and ideological unity and distinguished by a common patronymic.

As a result of a study of the essential features of the two institutions the author comes to the conclusion that both the identification of *sib* with *clan* and the definition of the latter as a subdivision of the former are erroneous. The article deals at length with the problem of structural, functional and historical correlation between *sib* and *clan*.

⁵⁸ Ю. И. Семенов, Указ. раб. стр. 74—93.

⁵⁹ Характеризуя род на разных стадиях его развития, автор не приводит ни одного примера реального бытования описываемых им социальных институтов.